

не слышали. Они знают «лежачий», «припадочный». Люди виноваты? Связывать ребенку руки или привязывать его к скамейке — это жестоко, бесчеловечно? А что остается нянечке, если этот ребенок постоянно и очень сильно бьет других детей или до крови расцарапывает свое лицо, руки? Она не может все время находиться в группе, потому что ей нужно мыть полы и раскладывать белье. А еще бывает так, что нянечка одна на две группы. А если бы она и могла все время быть в группе, представьте, что это такое — целый день держать ребенка за руки. <...> Люди мягкие, любящие детей, привыкшие делать все как следует, встают перед выбором: привыкнуть, делать невозможное или уйти. Кто-то уходит. Многие привыкают.

Так описывает условия работы санитарок и их столкновение с волонтерами Маша Беркович в своей книге*.

КАК СО СВОИМИ

Инна Сергеевна Младшая — санитарка, с которой мне одной из первых удалось познакомиться поближе: в первое время работы мои визиты часто выпадали на ее дежурство. Поначалу она сильно сопротивлялась моей активности и всячески давала понять, что я нагружаю ее лишней работой. Например, чищу детям зубы, а после этого у них оказываются забрызганы водой кофты. «Не умеете — не делайте», — говорит она и меняет кофту, хотя обычно никого не волнуют забрызганные кофты, они у детей и так постоянно мокрые от слюны и пролитого компота. Да и я с готовностью поменяла бы кофту сама, чтобы не утруждать ее лишним раз. Наши с ней отношения окончательно устаканились только к лету, то есть через три месяца моей работы.

Дело было так. С утра, в один из июньских дней, воспитательница Клавдия Семёновна и Инна Сергеевна ко мне приветливы — до тех пор, пока я не обнаруживаю, что большинству детей пора менять памперс. Я начинаю переодевать Рому и, обнаружив, что у него мокрая простыня, прошу у Инны Сергеевны сухую. «Зачем нужны такие помощники, мне и без их помощи работы хватает!» — кричит она в ответ. «Она уже была мокрая», — пытаюсь оправдаться я. «Она была нормальная, — парирует Инна Сергеевна. — Все простыни в стирке, что я сейчас ему постелю? Будет на клеенке лежать?» Ситуация безвыходная, но главное,

* Беркович М. Нестрашный мир. С. 147–149.

Рома хотя бы не в мокром памперсе. Указав санитарке на мокрые памперсы и простыни, я тем самым невольно поставила ее в положение человека, который должен оправдываться за невыполненные обязанности. Лёша тоже весь мокрый. Я его переодеваю, сажаю в коляску, и через пару минут оказывается, что теперь намокла еще и коляска. Я смотрю на Инну Сергеевну и жду своей смерти. Но она молчит. Я слышала, как Клавдия Семёновна сделала ей замечание: «Да что на тебя сегодня нашло!» и что-то про то, что я — не худшее из зол. Инна Сергеевна просит у меня несколько пар резиновых медицинских перчаток из волонтерской, и на этом конфликт исчерпан. После этого случая наши отношения резко пошли на лад.

Инне Сергеевне около шестидесяти. Она работает в детском доме уже двенадцать лет, с тех пор как врач Валентин Аркадьевич открыл нашу группу, то есть создал воспитательскую группу активных детей в корпусе для слабых (раньше в группе жили не только мальчики, но и девочки), и позвал ее работать в ней. Многие санитарки попадают на эту работу по знакомству: они живут неподалеку от интерната, и кто-то из их знакомых, уже работающих в интернате, предлагает им вакансию. В 1960-е годы интернаты для инвалидов в СССР строились как градообразующие предприятия, обеспечивавшие занятость женской части проживающих какого-нибудь небольшого населенного пункта, и для поселков российской глубинки это до сих пор актуально¹³. В пригородах Петербурга, конечно, ситуация отличается, но, будучи одним из самых крупных специальных детских домов в стране, наш интернат действительно служит важным источником занятости для живущих поблизости женщин. «Поначалу было тяжело, — рассказывает Инна Сергеевна, — но потом я подумала, что хоть как-то могу скрасить пребывание здесь этих детей, они же ничего в жизни не видят. Бывает и крикнешь на них, и тряханешь. Но так это, как и со своими! А как еще? Была у нас одна санитарка, она едой наказывала. Едой их наказывать нельзя, пригрозить можно, а наказывать — нет: они умрут, если не покормить».

Надо сказать, среди санитарок действительно не принято лишать детей еды в качестве наказания. Инна Сергеевна утром всегда чем-нибудь угощает детей, например, печеньем, которое приносят родители: дети встают задолго до завтрака, и им трудно его дожидаться. Уточкину, по ее словам, она тоже дает печенье, хотя его-то следовало бы как раз понаказывать, хотя бы и в профилактических целях: «Смотрит на меня такими жалостливыми глазами, и слюнки текут, ну как — всем дашь, а ему нет?» В тот момент, когда она это рассказывает, я думаю, что слюна у Уточкина течет постоянно и что, возможно, он не столько хочет

этого печенья, сколько боится быть обделенным по сравнению с другими детьми. Ведь если бы ему печенья не дали и оформили бы это в качестве наказания, то потом еще несколько дней его друзья Дёма, Гриша и Савва постоянно напоминали бы об этом факте всем окружающим. Среди волонтеров принято считать, что социальные аспекты приема пищи для детей во многих случаях гораздо важнее, чем собственно потребность во вкусовых ощущениях или в утолении голода. Сейчас я не могу уверенно сказать, кто был прав по поводу Уточкина и печенья – я или Инна Сергеевна.

Когда Инна Сергеевна в хорошем настроении, она любит петь. Иногда детские песни, которые она поет своим внукам, иногда какие-то рифмованные стишки про саму себя, видимо из какого-то корпоративного прошлого. Или сыпать поговорками и присказками с детскими именами, вроде «Дёма – сиди дома, Степан – таракан». В ее разговорах ребенок предстал преимущественно с телесной точки зрения: сколько он «навалил», какое у него «там» все большое и где у него уже «волосится». Почти каждый раз в ее дежурство я чувствую, как погружаюсь в карнавальную бездну народной культуры.

Инна Сергеевна любила повторять, что вкладывает душу в работу, но в то же время в ее отношении к детям я чувствовала какую-то отстраненность. Есть разница между тем, как человек рассказывает о себе и своей работе, то есть как он словесно выстраивает презентацию себя перед другими, и его реальным поведением. Среди волонтеров и педагогов, знавших Инну Сергеевну, бытовало мнение, что она не вполне искренна: приписывает себе более заботливое отношение к детям, чем демонстрирует в действительности. Когда она обрушивалась на ребенка с криком «Что ты орешь, придурок!», я тоже так думала. У Инны Сергеевны особенно не было любимчиков, не было и не любимых детей – для волонтеров это служит некоторым показателем равнодушия к детям в целом. Теперь я полагаю, что она не лицемерила, а действительно считала, что делает для «этих детей» все возможное. Только «все возможное» в ее представлениях сильно отличалось от того, как представляли себе «все возможное» волонтеры.

Когда я расспрашиваю Инну Сергеевну о детском доме и ее работе, она быстро переключается на себя, свои увлечения и своих внуков. Она не прочь поболтать со мной, но о работе ей не очень-то хочется говорить, что вообще-то вполне можно понять, но меня, как волонтера, удивляет, ведь волонтеры готовы говорить о детях постоянно. В отличие от ее внуков, обычных детей, дети в интернате – прежде всего больные существа. Инна Сергеевна как бы не включает их в мир детства и не наделяет теми

же потребностями. Им не нужны хорошие игрушки и красивая одежда, они не могут умилять и доставлять радость: «Они здесь все – придулки и калеки».

Санитарки болезненно относятся к обвинениям в воровстве, которые прямо или косвенно им адресуют администрация, воспитатели, волонтеры и педагоги. Даже если напрямую никто обвинений не предъявляет, они как будто всегда их ожидают и готовы начать оправдываться. Инна Сергеевна относилась к таким подозрениям болезненнее других – возможно, потому, что ощущала тесную связь со своим коллективом. Она повторяла, что не только не берет средства гигиены, предназначенные детям, – туалетную бумагу, памперсы, кремы, шампуни, влажные салфетки («зачем мне, мы себе покупаем дорогое, хорошее»), – но и приносит детям свои, из дома. Надо сказать, что средства гигиены, которые приносили волонтеры, и правда пропадали часто, но поскольку я работала не каждый день, то и не строила догадок насчет того, кто именно из персонала мог взять их себе. Однажды в четверг я принесла две пачки влажных салфеток из волонтерских запасов, а в пятницу их уже не было. Я сказала об этом воспитательнице. «Наверное, санитарка использовала, подмывая детей», – ответила та. В принципе, если санитарке было лень возиться с ведром воды и тряпочками, это могло быть правдой.

«Я сегодня принесла хорошие вещи и сразу же надела их на детей, чтоб санитарка побрезговала их брать. Санитарка возмутилась, зачем, мол, было переодевать детей!» – рассказывала Серафима. Если волонтеры приносят детям новую одежду, то сразу стараются ее подписать – нарисовать на ней номер группы или имя ребенка.

Детскую еду санитарки не только ели, но и забирали домой регулярно, особенно фрукты. И когда они привыкли ко мне, то стали делать это открыто и почти не стесняясь. Я восприняла это как знак того, что меня стали считать «своей», той, кто разделяет «понятный всем нормальным людям» порядок вещей. Я злилась почти до слез, наблюдая, как санитарка кладет себе в сумки детские апельсины, но не знала, что делать. Персонал нередко воспринимает волонтеров прежде всего как контролирующую инстанцию, а мне, чтобы успешно договариваться с санитарками и дальше, хотелось сгладить острые углы. Но сделай я замечание санитарке, которая пьет детский сок, она бы послала меня подальше. Если бы я не закрывала глаза на эти несколько апельсинов или яблок, меня бы постарались «убрать» из группы. По крайней мере я так предполагала, ведь были случаи, когда мои санитарки и воспитательницы, объединившись, не пускали «неудобного» волонтера или педагога к детям.

Наверное, дело было и в том, что я до некоторой степени могла их понять. Зарплата у санитарок небольшая, и они старались компенсировать такое положение вещей за счет доступных ресурсов и выгод, которые они могли получить от этой работы. Апельсины, сок, кремы, памперсы, одежда, равно как и свободное время в течение рабочего дня, — все это для санитарок в некотором смысле компенсировало тяготы и несправедливо низкую оплату их труда. Еще одним бонусом и стимулом для санитарок, равно как и для воспитателей, являются социальные гарантии, предоставляемые государством, — продолжительный отпуск, компенсация и прибавка к пенсии за вредность.

У санитарок есть возможность бесплатно пройти курсы повышения квалификации и получить звание младшей медицинской сестры, что в реальности никак не скажется на ее обязанностях, однако повысит зарплату. Именно так поступила Инна Сергеевна, за что другие санитарки ее слегка недолюбливали.

СВЕТА МОЛОДАЯ

Санитарка Света Молодая, как ее называли дети, действительно была молода — около тридцати. Кажется, она появилась вместо Агафьи, когда та ушла, но поскольку это произошло в самом начале моей работы, когда персонал еще не слишком был склонен со мной общаться, то я не уловила подробностей. Света большая и плавная, все делает медленнее других. Когда у нее плохое настроение или болит голова, она может прикрикнуть на детей, но эти вспышки быстро проходят. Зажмурившись, я ясно представляю, как она ровно так же кричит на собственную дочь, испачкавшую новую куртку.

Она испытывает более выраженную симпатию к младшим детям — может, потому, что они в силу возраста все еще «милые», или потому, что их легче поднимать, и в целом уход за ними дается проще. Но сама смена памперсов Свету явно раздражает. С детскими телами она обращается не слишком бережно, но и не слишком грубо, хотя мне кажется, что, будь перед ней здоровый ребенок, например ее собственный, она была бы аккуратнее и мыла бы его немного тщательнее. В ее словах даже самые младшие дети в группе часто предстают сексуально озабоченными. Это явно ее тревожит, видится ей признаком их дефективности — в нашей культуре здоровые дети младшего возраста скорее представляются асексуальными. Света из тех санитарок, которые наказывают детей лежанием — не только Уточкина, но